

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАТИВНОЙ ПОЭЗИИ: ВАРИАНТЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Андреянова Елена Евгеньевна, аспирантка кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5215-0564>

Аннотация. В современной инновативной русской поэзии одной из ключевых проблем является вопрос взаимодействия концептов «субъект» и «пространство», а также вопрос о способах переосмысления их семантико-функционального наполнения. В качестве одного из вариантов композиционно-стилистического анализа поэтического текста нами предложено понятие субъектно-пространственная модель – условный образ концептов «субъект» и «пространство», служащий для определения отношений между ними и специфики их функционирования в авторской поэтике. В данной статье рассматриваются модели, функционирующие в текстах К. Корчагина, Г. Рымбу, Н. Сафонова и Е. Суловой, представлена классификация моделей по нескольким основаниям: количество элементов модели, специфика отношений между ними и формы взаимодействия. Отмечается, что модели, функционирующие в текстах изученных авторов, многоосновны, каждая из них обладает набором различных параметров, характеризующих отношения между элементами с различных точек зрения, что позволяет рассмотреть специфику субъектно-пространственной организации текста как сложноорганизованную структуру, выявляющую семантико-стилистические особенности поэтики. В статье делается вывод о том, что взаимодействие концептов основано, как правило, на диффузии и интерференции, а семантика субъекта и пространства усложняется: поэты подходят к их осмыслению с философско-прагматической точки зрения. Помимо этого, в статье рассматривается вопрос о тенденциях развития субъектно-пространственных отношений в инновативной русской поэзии.

Ключевые слова: инновативная русская поэзия, субъект, пространство, субъектно-пространственные отношения, композиционно-стилистический анализ.

Для цитирования: Андреянова Е.Е. Классификация субъектно-пространственных моделей современной инновативной поэзии: варианты и функциональные характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 125–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-125-132>

Research Article

CLASSIFICATION OF SUBJECT-SPATIAL MODELS OF MODERN INNOVATIVE POETRY: VARIANTS AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS

Elena E. Andreyanova, Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, lenaluna139@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5215-0564>

Abstract. In modern innovative Russian poetry, one of the key problems is the question of the interaction of the concepts “subject” and “space”, as well as the question of ways to rethink their semantic and functional content. As one of the variants of the compositional and stylistic analysis of the poetic text, we have proposed the concept of a subject-spatial model – a conditional image of the concepts “subject” and “space”, which serves to determine the relationship between them and the specifics of their functioning in the author’s poetics. This article discusses the models functioning in the texts of Kirill Korchagin, Galina Rymbu, Nikita Safonov and Yevgeniya Suslova, the classification of models is considered on several grounds: the number of model elements, the specifics of the relations between them and the forms of interaction. It is noted that the models functioning in the texts of the authors studied are multi-basic, each of them has a set of different parameters characterising the relationship between the elements from different points of view, which allows us to consider the specifics of the subject-spatial organisation of the text as a complex structure that reveals the semantic and stylistic features of poetics. The article concludes that the interaction of concepts is based on diffusion and interference, meanwhile the semantics of the subject and space become more complicated – the authors approach their understanding from a philosophical and

pragmatic point of view. In addition, the article discusses the issue of trends in the development of subject-spatial relations in innovative Russian poetry.

Keywords: innovative Russian poetry, subject, space, subject-spatial relations, compositional and stylistic analysis

For citation: Andreyanova E.E. Classification of subject-spatial models of modern innovative poetry: variants and functional characteristics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 125–132 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-125-132>

Современная инновативная русская поэзия отличается художественно-стилевым, композиционным, философско-прагматическим разнообразием, однако проблематика, объединяющая поэтов, относящихся к разным направлениям, – взаимодействие субъекта и пространства в поэтическом поле. Сложность специфики субъектно-пространственных отношений в инновативной поэзии определяется полисемантикой и усложнением функционирования концептов, рассматриваемых авторами не только как элементы художественной системы текста, но и как философские понятия. В связи с этим нами предлагается один из вариантов композиционно-стилистического анализа поэтического текста через призму взаимосвязи данных концептов, который поможет выявить ранее не замеченные особенности поэтики авторов, а также определить тенденции развития инновативной поэзии в эпоху постмедиального существования искусства и преобладания дигитального способа коммуникации. В качестве ключевого понятия для анализа нами вводится определение «субъектно-пространственная модель» – условный образ объектов (в нашем случае концептов «субъект» и «пространство»), служащий для определения отношений между ними и специфики их функционирования в авторской поэтике.

Для того чтобы определить субъектно-пространственную модель, необходимо соблюдать последовательность анализа специфики отношений между субъектом и пространством. Так, вначале выделяется *тип отношений* между концептами, который в свою очередь формирует соответствующие *группы* моделей, которые могут функционировать с определенными вариациями. Группы включают в себя разные модели и могут классифицироваться по разным основаниям, причем одна группа может содержать в себе модели, относящиеся к разным типам. Конкретные модели в свою очередь могут содержать функционально-семантические признаки разных групп, что позволяет сформировать некую общую картину, как субъект и пространство существуют в общем поле инновативной поэзии, какие тенденции в развитии этих концептов мы можем обозначить, что обуславливает упрощение или усложнение отношений между категориями.

Обратимся к классификации моделей, выделенных нами на материале проанализированных текстов. Основанием первой классификации является *количество элементов модели*. Ее можно считать наиболее

формальной. Можно выделить две разновидности: *бинарные модели*, в которых взаимодействие основано на специфике двух концептов и не включает дополнительные операторы, влияющие на модификацию одного из элементов, и *тернарные*: в модели присутствует важный функционально-семантический компонент, обуславливающий специфику субъекта или пространства, а иногда и обеих категорий. Почему данное основание мы считаем важным: так как модель представляет собой формализованный образ отношений между категориями, подчас функционирующими не линейно, а транзитивно (то есть элементы соотносятся друг с другом не напрямую, а через структурно-семантического посредника, влияющего на деконструкцию субъекта или пространства и их трансформацию), то данная классификация помогает сделать вывод о тенденциях развития субъектно-пространственных отношений в инновативной литературе: двигается ли поэзия в сторону «упрощения» коммуникации между субъектом и пространством или, наоборот, через постепенное усложнение стремится отойти от привычных традиционных форм к многоаспектным вариантам взаимодействия. Сразу оговоримся, что под дополнительными операторами мы подразумеваем не только внешние факторы, такие как, например, социально-политический дискурс, выполняющий важную функцию в поэтике Галины Рымбу, но и модификационные элементы: картины, фигуры, объекты, которые выполняют важную семантическую роль.

Так, бинарными можно назвать модели, выявленные у Кирилла Корчагина и одну из моделей, выделенных у Н. Сафонова. Символически обозначим их следующим образом: $S(P) - (P)S$ и $S - P - S'$ (модели, реализующиеся в текстах К. Корчагина) и $S_n - P_c$ (один из вариантов моделей, функционирующий в текстах книги «Разворот полей симметрии» Н. Сафонова). Расшифруем условные обозначения элементов моделей К. Корчагина: (P) – пространство, носящее в себе «отпечаток» субъективного, имеющее диффузную разомкнутую структуру, которое может инкорпорировать пространственность субъекту и принимать его функциональные особенности; S' – метасубъект/влияние предшествующего исторического или культурного модуса, с которым лирическое «Я» взаимодействует опосредованно и ищет способы диалога. Реализацию подобной модели можно увидеть в текстах сборника «Все вещи мира»:

ночью к тебе постучится огромный двадцатый век
в гирляндах синюющей гари с углями в черных глазах
в одежде защитного цвета дышащей дымом болот
в пыли тверского бульвара обволакивающей ладони
проникающей прямо в сердца

[Корчагин: 65].

Элементы, функционирующие у Н. Сафонова: C_{Π} – субъект-зритель, фиксирующий пространственные изменения, не выражающий при этом «Я» как формально-семантическую целостность, он документирует пространственность в себе, но не является зачинателем пространственных преобразований, функционируя подчас как инструмент, способный передавать посредством физических операций сдвиги пространственных областей, им фиксируется пространственность как таковая: перемещения, развертывания, границы, поля – функциональные приметы превалирования геометрии, которая реализуется через «чистые» объекты, лишённые аффективного наполнения:

где находилась цитата, которую только что можно было
поставить на место другого, на плоскость предмета?

В похожем
запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону
решения
света, будет необходимо различие между первым
и крайним
сомнением, расположенным между первым и крайним,
граничным изображением того, что могло быть
сюжетом, но
не местом, в котором выписаны кривые условий...

[Сафонов 2015: 18]

P_c обладает усложненной семантикой, поскольку, несмотря на то, что у пространства остается индекс субъектности, это не означает, что оно начинает функционировать схожим с субъектом образом. Наоборот, пространство обособляется от субъекта, редуцирует его, но сохраняет в себе идею возможности соположения субъектного и пространственного, субъектное остается как след предшествующего действия, как остаточный мотив: «упражнение в остановке: двигательный коллапс, когда / он, проходя по улице, замечает другое, несоответствующее / действительности движение, выходящее за пределы здания, / неопределенного цвета: красный? совсем нет?» [Сафонов 2015: 25].

Представленные модели являются разными по функционально-семантическому значению и относятся к разным типам. Так, модели, выделенные у Кирилла Корчагина, относятся к «субъектному» типу: субъект продуцирует структурные и образные трансформации текста, моделирует художественную топологию, а пространства, в свою очередь, принимают на себя субъектные функции, антропоморфируются и расширяя субъектную семантику. Модель же, встре-

чающаяся в сборнике «Разворот полем симметрии» у Никиты Сафонова, тяготеет к типу, в котором субъект и пространство равноправны, поскольку субъект-зритель (или субъект-люцида – по аналогии с известной вариацией камеры, помогающей передавать образы на бумаге) и пространство находятся в определенной дистанцированности друг от друга. Субъект фиксирует / наблюдает и записывает динамические развертывания, сжатия, рекурсии пространства, которое модифицируется без субъектного влияния. Субъект предстает в качестве физической возможности наблюдения за пространством, которое существует как отдельная область значений, продуцирующая сама себя и стремящаяся обособиться от субъекта посредством динамической трансформации.

Отметим также, что наличие лишь двух элементов модели не означает, что данные отношения проще, чем отношения, реализующиеся в тернарных моделях, скорее фиксируется тот факт, что некоторые авторы больше сосредоточены на работе по формированию нового функционального наполнения привычных концептов, расширению их семантического диапазона, а не на деконструкции самих отношений между ними. Так, например, наличие лишь двух функциональных элементов в модели усложняет вычленение семантики каждого из элементов, поскольку некоторые смещения значений, выраженные более очевидно в тернарных моделях через дополнительного оператора, содержатся в самих концептах, и не всегда их можно формально определить.

Тернарных моделей удалось выделить больше: они представлены в поэзии Г. Рымбу, Е. Суловой, Н. Сафонова. Большая частотность тернарных моделей обусловлена в первую очередь авторской интенцией расщеплять и переосмысливать связи между концептами, стремлением к более абстрактному и формализованному (использование графиков, символов, схем) способу конструирования поэтической реальности. Для авторов, использующих тернарные модели, не столь важным становится значение субъекта и пространства, сколько формы, которые они принимают или смогли бы принимать, поэтому они раскладывают концепты на самостоятельные и порой обособленные друг от друга составляющие, конструируют связи, которые подчас не реальны, но предполагаемы. Можно заметить вариативность отношений в зависимости от типа функционирующего субъекта, пространство распадается, трансформируется на фигуры и картины, подчас лиминальное положение субъекта и пространства носит функциональное, а не семантическое значение. Отметим, что тернарные модели наиболее присущи пространственному типу отношений, что не противоречит заявленному нами ранее тезису о том, что в инновативной литературе пространственность выступает

в качестве превалирующей тенденции формирования художественного мира.

Можно говорить о том, что элементы бинарных моделей находятся в отношениях контрастной дистрибуции, а элементы тернарных моделей – в отношениях дополнительной дистрибуции. То есть связи между элементами тернарных моделей теснее, чем между элементами бинарных моделей. Так, например, модель, встречающаяся у Е. Суслевой в книге «Животное»: $P_m \rightarrow \phi$ – основана на том, что пространство мыслящее (P_m) продуцирует новые фигуры значений – абстрактные элементы реальности, при этом создание этих фигур происходит под опосредованным влиянием субъективного, так как инициатором является все-таки область ментального, но оно претерпело огромное количество преобразований и модификаций и может быть обнаружено и зафиксировано (формальным образом и в модели) только как одна из характеристик пространства, вобравшего и изменившего изначальные субъектные функции: «Речь идет о предельном совпадении. Так могут совпадать окна и насквозь / смотрящие, конфигурации, врезанные в мир прямо из глаз живого, формы, / предназначенные для разрушения порядков холостой работы. Это как идти и вдруг / беспричинно остановиться, будучи ослепленным предстоящим смерто- / носным падением – при мысли, что сошелся по резьбе со своим умом» [Суслева 2018: 45] При этом, возвращаясь к рассуждениям об отношениях дополнительной дистрибуции, которые присущи элементам тернарных моделей, стоит уточнить, что, например, такой элемент, как фигуры, не может быть проявлен больше ни в одной модели, поскольку его созданию предшествует целый ряд субъектно-пространственных модификаций. В отличие от элементов бинарных моделей этот элемент несвободен, и для его объяснения необходимо выстраивать всю линию последовательного изменения концептов.

Отдельно стоит обосновать случаи использования тернарных моделей у Г. Рымбу. Так, тернарная модель, встречающаяся в текстах авторки, выглядит следующим образом: С(Д) – (Д)П. В качестве дополнительного оператора выступает социально-политический дискурс, обуславливающий расщепление субъекта и пространства: «двигаясь внутри экономических систем, / сбрасывая кожу, роняя шерсть / «критика чистого разума» рассечена когтем / половые акты в лагуне, темная жидкость, всхлипы...» [Рымбу 2014: 5] Многоступенчатого разделения концептов у Рымбу нет, и по специфике отношений данная модель будет относиться к группе симбиотических, однако изъятие данного элемента из модели невозможно, поскольку для поэтики авторки принципиальным будет являться тотальность власти и ее распределение по всем функционирующим элементам.

Он существует самостоятельно и обосновывает случаи выражения в тексте субъекта-активиста или субъекта-наблюдателя, не входя при этом в семантику ни пространства, ни субъекта. Социально-политический дискурс – это своеобразная рамка, очерчивающая поле взаимодействия субъекта и пространства. Также отметим, что тексты Рымбу относятся к субъектному типу, а не к пространственному, в отличие от Суслевой и Сафонова. Можно заметить, что принадлежность к определенному типу не гарантирует у автора использование моделей только определенной классификации, скорее, наоборот, дает нам основания полагать, что в обоих случаях следует говорить не об упрощении, а об усложнении отношений, которое обуславливается не столько типом, сколько индивидуальными авторскими интенциями. Так, например, у Н. Сафонова, стремящегося уйти от лирического нарратива в сторону практически математической абстракции, встречается вариант модели, в которой происходит аккумуляция полисемии внутри концепта, что не свойственно его замкнутой и минималистичной поэтике. В то же время Г. Рымбу, наоборот, склонная к эксплицитному и прямому выражению лирического я, контрапунктом вводит социально-политическое как осложняющий элемент, влияющий на деконструкцию семантики субъекта и пространства.

Отталкиваясь от *специфики отношений* между элементами модели, можно выделить модели *симбиотические* и *генеративные*. В симбиотических моделях элементы кооперируют друг с другом, в генеративных один из концептов выступает в качестве определяющего элемента, моделирующего / преобразующего другой. К симбиотическим можно отнести модели, встречающиеся у К. Корчагина и Г. Рымбу. Характер этих моделей обусловлен тесным взаимодействием концептов друг с другом, элементы носят изоморфный или атрибутивный характер, обусловленный рядом факторов. Так, дефрагментация элементов у Корчагина определяется культурно-философским контекстом, на дисперсность субъекта и пространства влияет метасубъектный фрейм, он обуславливает расщепление и деструкцию концептов. Субъект и пространство несвободны, они не функционируют самостоятельно, а постоянно ощущают на себе груз тоталитарного давления прошлого, которое замещает самоощущение субъекта и мотивирует его искать приметы исторического в пространстве, чтобы таким образом заполнить лакуны, образовавшиеся от влияния предшествующей катастрофы: «Я – связывающее и создающее репрезентацию, Я-субъект – в каком-то смысле отсутствует, его нет для нашего опыта и самосознания. Но как только оно попадает туда, оно само трансформируется в объект, в “вещь” (Sache), как говорил

Кант. Эта двойственность лежит в основе многих антропологических проблем. Трансцендентальное, “отсутствующее” Я дается нам как незаполнимое зияние, как чисто структурная точка зрения, как чистый субъект. И именно это зияние позволяет нам превращать мир в систему символов и знаков, которые могут не только заменять “вещи”, но и подменять друг друга» [Ямпольский: 30]. Похожим образом устроено и пространство: оно является носителем предшествующего субъективного и служит медиумом, связывающим субъекта, функционирующего в тексте, с фреймом-историей. Однако симбиоз субъекта и пространства представляет не столько уподобление друг другу с целью объединения для борьбы с тоталитарностью катастрофического (или политического, как в текстах Г. Рымбу), а объединение с целью создания нового целого, которое свободно от меланхолической рефлексии по ушедшему. В определенном смысле отношения между субъектом и пространством у Корчагина направлены на избавление от мировой тоски, ее преобразование в позитивный опыт, формирующий субъектную идентичность: «в сумерках сочатся пещеры свечением о звучи / пиита побережья вымирающей сталью норда / сотрапезник пены и туч отсеченный рассветом / от широты долготы освобожденный» [Корчагин: 77].

Кооперация концептов в текстах Г. Рымбу, как уже отмечалось выше, направлена на объединение ради борьбы, разрыва связей и границ. Если у Корчагина субъект связан с пространством через ностальгическое сопереживание, то Рымбу, напротив, ищет в пространствах отражение ярости протеста и желанья освободить индивидуальное от влияния политического. Пространства не отделяются от лирической героини, на них наложен такой же отпечаток подавления воли – они созданы политическим и транслируют политическое. И авторка в свою очередь стремится объединиться с пространством, чтобы передать ему знание о свободе, снять ограничения, наложенные социально-политическим нарративом: «бьются о ворота ночи комнаты-клетки и газовые плиты рвутся наружу; / ледяной памятью в антресолях стучат ящики с инструментами, / пустыми бутылками, рвутся наружу / пустые детские коляски» [Рымбу 2018: 92]. Важным концептом для Рымбу становится рана – разрыв, полученный в результате противостояния, след катастрофы. Ландшафт, описываемый ею, представляет собой неровную поверхность, испещренную выбоинами, рытвинами, воронками; урбанистическое пространство – это либо руины, либо маргинализованные районы:

мой район погружен в это место, и я двигаюсь в нем,
как ребенок, как
чужое оружие, чтобы место удерживалось; на районе
они стоят,

раскачиваясь, играя цепями, вытягивая состояния
из земли, нагретой
июльским солнцем, люди в касках дорогу кладут
и рубят деревья, в
перерывах разламывая хлеб...

[Рымбу 2018: 106]

Через лакуны, образованные в структуре субъекта и пространства, и происходит диффузия концептов, однако в отличие от текстов Корчагина Рымбу не стремится к органичному со-наполнению, залечивающему раны, наоборот, это удвоение боли, кооперация с целью прожить болевой опыт до конца и в полной мере, чтобы принять его, поскольку изжить и редуцировать невозможно: «возможно, нужно не пытаться выдавить из себя катастрофу или выбраться из нее через индивидуальную проработку исторических и личных травм (как быть тогда с планетарным?), а принять ее как родной дом и попытаться обжить его. Или создать какие-то способы навигации в пространстве катастрофы для того, чтобы все-таки жить, и жить полно» [Рымбу 2019]. Однако в поэтике Рымбу наблюдается усложнение отношений, связанное с ролью субъекта, – является он свидетелем или активистом. Субъект-свидетель ищет в пространствах защиты от фрейма-политики, стремится ассимилироваться с ними, но не с целью приспособиться к влиянию среды, а с целью сохраниться и переждать натиск государства: «эта новая субъектность предъявляет, парадоксальным образом, не (вроде бы) очевидное требование обособления. Напротив, она требует умения в те или иные моменты ощутить себя частью общности – не теряя при этом, однако, ясного представления о собственных границах и не жертвуя автономией – личной, социальной, культурной» [Львовский]. Субъект-активист, наоборот, стремится от этой «общности» отделиться и отделить пространства, вдохновить и подтолкнуть их к активному революционному движению, наделить пространства субъектностью, дать им возможность действовать: «Рымбу отчаянно взыскует субъектности, которую даёт только действие, – тем отчаяннее, что *возможности* действия не видит» [Кузьмин].

Еще один вариант можно встретить в сборнике «Узлы» Никиты Сафонова: С/П – (УП). В этой модели субъект интерпретируется как пространственная вариация, как способ пространства переходить из абстрактной области идей в область материальных объектов: «Я пытаюсь распознать в ускользании сам процесс растворяющегося го- / лоса, растворенного в звуке, на самом деле – падающего в предел отсутствия / точки на карте знаков, распределенных в случайном, как может казаться, по- / рядке, не указывающих, но ясных, отосланных» [Сафонов 2011: 26].

В результате взаимодействия субъекта-пространства и пространства-концепта создается узел – субъект-

ектно-пространственное единство, представляющее собой трансформированную область ментального, выраженного через совокупность динамических пространств или статичных образов, обретших пространственную семантику. Узел – это поле, в котором происходит продуцирование предполагаемого и представляемого мира, познание которого осуществляется не посредством чувственного, а посредством геометрического: «Завязанный в точке расположения говорящего, в точке, ожидающей среди отсутствия сам “рельеф” дискурса, он рассеивает собственные возможности в пределах хаоса, молчания хаоса, надеясь пересечь одним из собственных горизонтов горизонт действительного» [Сафонов 2011: 3].

Необходимо пояснить, чем обусловлена реализация субъекта как пространственной модификации, является ли она исконной (изначально присущей субъекту) или приобретенной. Для этого обратимся к пониманию субъекта, которое подразумевает автор. Для Сафонова субъект – это в первую очередь носитель языка, который им осмысливается как пространство, то есть пространственность в субъекте заложена изначально, он может конструировать при помощи лингвистических средств территории и объекты: «...язык принимает почти скульптурные формы. Наверное, это можно назвать конструированием среды. Больше всего меня интересует момент, когда привычная связь с языком нарушается. Когда перечитываешь записанное, оказываешься в этом пространстве, где все происходит по неизвестным тебе правилам, и понимаешь, что язык имеет много обратных сторон, о которых ты раньше не подозревал. Можно назвать это изменением смысловой гравитации» [Сафонов 2018]. То есть, следуя за интерпретацией автора, пространственность субъекта заключена в его способности преобразовывать эмпирическое/личное в языковую топологию, которая в итоге сепарируется от этого эмпирического и функционирует самостоятельно, попадая в область, свободную от субъективных значений: «Без ясных оборотов языка: ось, снимающая ось – камера 2, прямой свет, / искажения зрачка, смотрящего на внутренности объекта. Вид прост: тревога, / замещающая постоянство, разделяет всю цепь согласий на изъятые острова / (без признаков существования, без единого камня у края глаз). Камера 2, / соединяющая прямое и обратное изображения – испуг, производящий переход / (от дороги к полосам)» [Сафонов 2011: 11]. Данную модель также можно определить как симбиотическую, но только симбиоз будет осуществляться не на уровне отношений, а на уровне всего текста, поскольку текст также становится узлом – пространственным отражением возможных интерпретаций свободных от привычной семантики знаков, которые сопологаются в структуры и ландшафты самопроизвольно.

К генеративным моделям можно отнести типы, встречающиеся у Е. Суловой и Н. Сафонова. В генеративных моделях один из концептов (так, у Суловой и Сафонова это пространство) является преобладающим, именно он инспирирует трансформации, выступает в качестве отправной точки взаимодействия и влияет на характер другого элемента, в частности продуцирует его расщепление, переходность. Например, в сборнике Е. Суловой «Свод масштаба» отмечаем модель $C_0 - C^n - P_M$. Субъект ощущающий (чувствующий) распадается на части, сохраняя физиологические функции, но наделяется пространственной коннотацией и приобретает пространственные свойства (он начинает сжиматься, расширяться – менять масштаб, что отсылает нас к названию сборника, в нем появляется способность дробиться на еще более мелкие части), чтобы в итоге трансформироваться в пространство мыслящее (P_M). Таким образом, именно пространство инспирирует субъектные модификации, оно инициирует переход субъекта от ощущаемого (телесного) к субъекту рациональному / пространственному, который обрабатывает полученные от тела сигналы и создает при помощи этих чувственных координат карту ментального пространства: «В спешке памяти накал различений – / перечень уморождений. / Переводы смысла хваткой внутренней перспективы / недоразвитых безязыких чтений» [Сулова 2013: 21]. В модели, выявленной у Н. Сафонова, также можно отметить влияние пространства на субъект: $P/O^c - P^a$. Пространство распределяется по объектам, включающим в себя субъективное, чтобы таким образом представить картину абсолютного доминирования пространства, возвести его до высшей степени, когда пространственность становится новым способом мышления.

Можно заметить, что симбиотические модели представлены в основном у авторов, чья поэтика тяготеет к субъектному типу отношений, а генеративные и многоаспектные модели присущи поэтам, выбравшим в качестве тактики создания текста отказ от прямой субъектности и нарративности в пользу аналитического препарирования реальности как области знаков и образов, не имеющих материального выражения, а сконструированных посредством языка в когнитивном пространстве.

Модели можно подразделить по *формам взаимодействия* – на *мультипликативные* и *редукционные*. Мультипликативные модели основаны на том, что в процессе взаимодействия ни один из континуумных элементов (субъект и пространство) не утрачивает своего значения, а модифицируется, приобретая дополнительную семантику или переходя в новое состояние субъектно-пространственного единства. Редукционные модели, наоборот, в процессе взаимодействия сводят функциональное выражение одного

из элементов к минимуму, постепенно нейтрализуя его и трансформируя в более абстрактную форму, далекую от первоначальной. Редукционные модели достаточно редки, однако они встречаются у Евгении Сусловой и Никиты Сафонова, в связи с тем что их художественная практика рассматривает язык как семантическое поле, которое может создавать и трансформировать материально не выраженные объекты, и воспринимается как продуцирующая область значений, обособленная от субъекта. Язык становится пространственной вариацией, а текст в свою очередь редуцирует субъекта как инициатора модификаций. Подобная форма организации текста может быть оправдана художественной практикой, свойственной этим авторам. И Суслова, и Сафонов рассматривают поэзию, помимо прочего, как философию, текст становится материалом, иллюстрирующим тенденции в функционировании языка в медиальном пространстве, в способах существования субъекта в мире, свободном от присутствия нарратора, объясняющего и конструирующего мир. Поэтому можно заметить, что в редукционных моделях происходит нивелирование именно субъекта, он замещается пространством и функционирует в тексте либо как оператор, фиксирующий пространственные преобразования, либо как маршрутизатор, передающий чувственные импульсы, которые впоследствии преобразовываются в свободные от субъектного влияния объекты. Таким образом, можно говорить о том, что редукционные модели, в которых пространственность переходит из концептуального в мировоззренческое, логичнее было бы обозначить как пространственно-субъектные, поскольку в них доминанта пространства выражена более очевидно, чем в случаях, когда пространство активно, но эта активность проявляется при кооперации с субъектом.

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что в современной инновативной литературе заметна тенденция к усложнению отношений между субъектом и пространством, текст рассматривается как алгоритм или схема, в которой возрастает роль языка как динамически развивающейся самостоятельной области, способной к саморегуляции и трансформации опосредованно от интенций лирического субъекта. И само понятие «лирический субъект» для инновативной поэзии теряет актуальность, поскольку данный концепт все меньше соотносится с чувственным и все больше – с прагматическим. Текст в свою очередь становится исследовательской областью, лабораторией, в которой экспериментальным путем апробируются варианты конструирования новой реальности, свободной от привязки к словам и их интерпретациям: «Идеальным стихотворением было бы то, на которое ты посмотрел и сразу понял все диспозиции, сразу понял смысл, не называя словами» [Су-

лова 2017]. Но даже в тех случаях, когда субъект функционирует в тексте, происходит его переразложение на составляющие, которые либо встраиваются в пространство, либо сопологаются и объединяются с ним. Это обуславливается в первую очередь несвободой субъекта от дискурса, его невозможностью зафиксировать собственные границы, поскольку границы мира, с которым он взаимодействует, неустойчивы и зыбки, соответственно, он лишается ориентиров, отталкиваясь от которых можно выстроить собственную индивидуальность.

Отметим, что представленная выше типология не является конечной. Нами были выделены несколько оснований для классификации моделей, однако они могут расширяться и дополняться. Пока мы остановились на самых основных и ключевых, на наш взгляд, группах, которые могут стать отправной точкой для составления еще более подробной типологии субъектно-пространственных отношений. Однако даже сейчас можно заметить, что отношения между субъектом и пространством в инновативной поэзии реализуются чаще всего посредством диффузии и интерференции. Также добавим, что при выделении субъектно-пространственных моделей мы руководствовались в первую очередь концептуальным наполнением категорий, не уделяя столь пристального внимания языковой организации текста. Так, на наш взгляд, изучив более подробно формальные способы выражения категорий, можно найти еще несколько оснований для классификации моделей, в которых план выражения также будет выступать одной из важных характеристик организации субъектно-пространственных отношений.

Список литературы

Корчагин К. Все вещи мира. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

Кузьмин Д. На шаг впереди языка / предисл. к кн. Г. Рымбу «Кровь животных». URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/na-shag-vperediyazyka/> (дата обращения: 15.06.2023).

Львовский С. Галине Рымбу: полностью проживаемое происходящее // Воздух. 2016. № 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-o-rymbu/view_print/ (дата обращения: 15.06.2023).

Рымбу Г. «Депрессия и меланхолия – это способ знания»: интервью // Colta. 2019. 11 окт. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22622-galina-rymbubolshoe-intervyu> (дата обращения: 15.06.2023).

Рымбу Г. Жизнь в пространстве. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 128 с.

Рымбу Г. Передвижное пространство переворота: Первая книга стихов. Москва: Книжное обозрение, 2014. 64 с.

Сафонов Н. Разворот полей симметрии. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 152 с.

Сафонов Н. Узлы. Санкт-Петербург: Транслит, 2011. 30 с.

Сафонов Н. Язык имеет много обратных сторон. 11.04.2018. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/yazyk-imeet-mnogo-obratnykh-storon/dossier_34889/ (дата обращения: 15.06.2023).

Суслова Е. Животное. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2016. 144 с.

Суслова Е. Попытка описать опыт важнее субъекта. 05.02.2017. URL: <https://syg.ma/@stenoqram/popytka-opisat-opyt-vazhnieie-subiekta> (дата обращения: 15.06.2023).

Суслова Е. Свод масштаба. Санкт-Петербург: Транслит, 2013. 67 с.

Ямпольский М. Зияние (вместо) Я: культура и меланхолия // НЛЮ. 2021. № 2. С. 29–43.

References

Iampol'skii M. *Ziianie (vmesto) Ia: kul'tura i melankholiia* [Gaping (instead of) Me: culture and melancholy]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review], 2021, No. 2, pp. 29–43. (In Russ.)

Korchagin K. *Vse veshchi mira* [All the things of the world]. Moscow, NLO Publ., 2017, 136 p. (In Russ.)

Kuz'min D. *Na shag vpered iazyka. Predislovie k knige G. Rymbu «Krov' zhivotnykh»* [One step ahead of the language. Preface to the book by G. Rymbu "Animal Blood"]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/na-shag-vpered-iazyka/> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

L'vovskii S. *Galine Rymbu: polnost'iu prozhivaemoe proiskhodiashchee* [To Galina Rymbu: fully lived hap-

pening]. *Vozdukh* [Air], 2016, No. 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-orymbu/view_print/ (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Rymbu G. "Depressiia i melankholiia – eto sposob znaniia": *Interv'iu* ["Depression and melancholy are a way of knowing": Interview], 2019, 11 oct. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22622-galina-rymbu-bolshoe-intervyu> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Rymbu G. *Zhizn' v prostranstve* [Living in space]. Moscow, NLO Publ., 2018, 128 p. (In Russ.)

Safonov N. *Razvorot poley simmetrii* [Reversal by the field of symmetry]. Moscow, NLO Publ., 2015, 152 p. (In Russ.)

Safonov N. *Uzly* [Nodes]. St. Petersburg, Translit Publ., 2011, 30 p. (In Russ.)

Safonov N. *Iazyk imeet mnogo obratnykh storon* [Language has many downsides]. 11.04.2018. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/yazyk-imeet-mnogo-obratnykh-storon/dossier_34889/ (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Suslova E. *Popytka opisat' opyt vazhnee subiekta* [The attempt to describe the experience is more important than the subject]. URL: <https://syg.ma/@stenoqram/popytka-opisat-opyt-vazhnieie-subiekta> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Suslova E. *Svod masshtaba* [Folding the scale]. St. Petersburg, Translit Publ., 2013, 67 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 20.10.2023